АВТОБІОГРАФІЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА В. Б. БАЖАНОВА.

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ году, 31-го іюля, скончался на 83 году своей жизни протопресвитеръ и докторъ богословія Василій Борисовичъ Бажановъ.

Въ теченіи шестидесяти лѣтъ покойный неутомимо служилъ церкви и родинѣ, сперва какъ священникъ и законоучитель въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, затѣмъ, съ 1835 года, какъ преподаватель закона Божія дѣтямъ и внукамъ покойнаго императора Николая I, и духовникъ ихъ высочествъ; а съ 1848 года, какъ духовникъ ихъ величествъ, какъ членъ святѣйшаго синода и старшій священникъ гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ.

До сихъ поръ еще никому изъ православнаго, бѣлаго духовенства не довелось, въ продолженіи, безъ малаго, полувѣка, и въ теченіи трехъ царствованій, стоять такъ близко къ царскому семейству! Такую продолжительность столь почетнаго служенія слѣдуетъ объяснить не одной лишь скромностью жизни покойнаго, но и стойкостью и независимостью его характера и убѣжденій. Если личныя достоинства покойнаго протопресвитера доставили ему такое преимущество, то беззавѣтная преданность его своему долгу и обязанностямъ поставила его выше и внѣ всякихъ дворцовыхъ, случайныхъ вліяній и себялюбивыхъ побужденій и удержала его на высотѣ его призванія.

Многое было дано покойному и этимъ многимъ онъ воспользовался какъ христіанинъ, на служеніе правдѣ и истинѣ. Будущій историкъ русской церкви не можетъ умолчать, что покойный протопресвитеръ былъ, и по времени и по силѣ, первымъ борцомъ и

радѣтелемъ за благосостояніе бѣлаго духовенства, и ревниво заботился о чистотѣ семейной жизни въ духовенствѣ, считая ее основаніемъ государственнаго благосостоянія, и, прибавимъ отъ себя, до такой степени, что самая смерть его отчасти была вызвана и ускорена волненіемъ, что не удалось ему путемъ убѣжденія водворить миръ и согласіе въ семействѣ одного новопосвященнаго, подвѣдомственнаго ему, священника.

Здѣсь кстати слѣдуетъ упомянуть объ одномъ, мало кому извѣстномъ, фактѣ рѣдкаго, безпримѣрнаго довѣрія, которымъ былъ почтенъ отъ покойнаго государя Василій Борисовичъ Бажановъ. Дѣло въ томъ, что ему предоставлено было право предстательствовать у престола царя за осужденныхъ. И дѣйствительно, не проходило мѣсяца, чтобъ по его заступленію и ходатайству предъ покойными государемъ и государыней, десятки несчастныхъ, отбывавшихъ наказанія въ рудникахъ, въ казематахъ и острогахъ, не возвращались равноправными въ осиротѣлые безъ нихъ семейства! Такое безпримѣрное довѣріе къ покойному протопресвитеру оказано было безъ сомнѣнія за его христіанское стремленіе къ миру и согласію, за его высоко-нравственное убѣжденіе въ чистоту человѣческой природы, за его скорбь о заблудшихъ, и его заботы о раскаявшихся.

Послѣ всего сказаннаго, можно было ожидать, что покойный В. Б. Бажановъ, какъ поставленный въ исключительное положеніе, удосужится оставить послѣ себя если не полныя записки очевидца о событіяхъ русской исторіи и дворцовой жизни за послѣдніе полвѣка, то хоть отрывки о своей дѣятельности, отданной имъ на пользу церкви, нуждающихся и скорбящихъ. Дѣйствительно, покойный повидимому и самъ сознавалъ эту, какъ бы лежащую на немъ обязанность, и для исполненія ея, онъ въ 1881 году, во время болѣзни, началъ диктовать по разнымъ, раньше написаннымъ имъ отрывкамъ, свою автобіографію, которая, къ сожалѣнію имъ доведена только до 1848 года, т. е. до того времени, когда послѣдовало назначеніе его духовникомъ ихъ величествъ и членомъ святѣйшаго синода, и которая слѣдовательно обнимаетъ самый незначительный періодъ его жизни.

Мы тѣмъ охотнѣе даемъ этой автобіографіи мѣсто на страницахъ нашего журнала, что по свидѣтельству близкихъ къ умершему протопресвитеру людей, печатаемый нынѣ отрывокъ составляетъ все, что̀ осталось цѣлаго и систематическаго послѣ покойнаго Василія Борисовича Бажанова. За сообщеніе рукописи приносимъ благодарность сыну покойнаго, отставному генералъ-маіору Ѳедору Васильевичу Бажанову.

Родился я въ тульской губерніи, въ алексинскомъ уѣздѣ, въ селѣ Миротинахъ, въ 1800 году, 7-го марта. Отецъ мой, Борисъ Семеновичъ, былъ діаконъ. Шести лѣтъ я отправленъ былъ на воспитаніе въ село Бирево, тульскаго уѣзда, къ дѣду моему, отцу матери моей, Маріи Дмитріевны, заштатному дьячку, у котораго была школа для крестьянскихъ мальчиковъ одного сосѣдняго, большаго, зажиточнаго селенія, на московской дорогѣ.

Дѣдъ мой, кромѣ школы, занимался садомъ, и обширный и великолѣпный садъ его доставлялъ ему значительный доходъ, и его посѣщали помѣщики.

Школою занимались двѣ племянницы дѣда моего, дѣвицы, которыхъ постоянное, ласковое обращеніе со мной имѣло доброе вліяніе на меня. Научившись свободно читать по-русски и по-славянски и писать, а также пѣть по нотамъ, чему училъ меня сынъ дѣда моего, діаконъ Иванъ Дмитріевичъ Чернавкинъ, девяти лѣтъ я возвратился въ родительскій домъ.

Отецъ мой былъ человѣкъ даровитый, добродушный, но не очень заботливый; но мать моя была разумная и заботливая, и домъ нашъ былъ достаточный. Отецъ мой, наслушавшись совѣтовъ неучившихся сверстниковъ своихъ, никакъ не думалъ отдать меня въ семинарію; но мать непремѣнно хотѣла того, и настояла. Въ январѣ, 1810 года, я поступилъ въ тульскую семинарію. Черезъ двѣ недѣли я видѣлъ во снѣ погребеніе моей матери, и весь день былъ очень печаленъ, а къ вечеру того же дня получено было мною извѣщеніе о кончинѣ моей матери, умершей въ родахъ. Если бы мать моя умерла двумя недѣлями раньше, то я не былъ бы въ семинаріи. Смерть моей матери повергла отца моего въ глубокую печаль, такъ что онъ цѣлыя ночи проводилъ на могилѣ ея. Домъ нашъ сталъ приходить въ упадокъ; отецъ мой въ короткое время обѣднѣлъ, и я лѣтомъ ходилъ въ семинарію босымъ, а зимою въ лаптяхъ. По недостатку средствъ къ содержанію, я долженъ былъ на четвертомъ году оставить семинарію; но въ это время мѐня приняли въ архіерейскій хоръ пѣвчихъ.

Неблаготворное дѣйствіе имѣло на меня пребываніе въ пѣвческомъ хорѣ; но оно дало мнѣ возможность продолжать ученіе въ семинаріи. Черезъ 4 года голосъ мой ослабѣлъ, и я, перешедши въ филофскій классъ, долженъ былъ оставить помѣщеніе въ архіерейскомъ домѣ и поселиться на наемной квартирѣ. Опять бѣда! Но всеблагое провидѣніе явно было надо мною отъ юности: профессоръ философіи отрекомендовалъ меня въ два помѣщичьи дома для обученія малолѣтнихъ дѣтей. Теперь я уже ободрился и одѣлся прилично, изъ тѣсноты вышелъ на просторъ.

При переходѣ въ богословскій классъ я отрекомендованъ былъ семинарскимъ начальствомъ поступавшему на тульскую архіерейскую каѳедру преосвященному Аврааму, который хотѣлъ имѣть

изъ студентовъ богословія надзирателя за малолѣтними пѣвчими, и мнѣ отведено было очень приличное помѣщеніе, съ содержаніемъ, а преосвященный удостоивалъ меня своего посѣщенія—всегда отеческаго. Тогда я считалъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ!

Въ 1819 году, по требованію коммисіи духовныхъ училищъ, я, сверхъ всякаго ожиданія, отправленъ былъ въ с.-петербургскую

Протопресвитеръ В. Б. *Бажановъ*.

духовную академію; мои же помыслы такъ далеко не распространялись, а ограничивались саномъ діакона. Священство представлялось мнѣ высокимъ и отвѣтственнымъ; но Господу угодно было указать мнѣ путь къ высшему служенію! На второмъ году въ академіи, здоровье мое, само по себѣ некрѣпкое, очень разстроилось, какъ отъ усиленныхъ трудовъ, такъ и отъ недостаточной пищи. Усиленные труды эти состояли, преимущественно, въ списываніи

лекцій, которыя профессорами составлялись въ слишкомъ обширномъ объемѣ; пища же студентовъ въ постные дни, которыхъ въ году больше, нежели мясныхъ, состояла въ супѣ изъ снѣтковъ негодныхъ и гречневой каши. Главною пищей въ эти дни былъ для насъ черный хлѣбъ и вкусный квасъ, что̀ при сидячей жизни студентовъ вредно дѣйствовало на ихъ здоровье, такъ что много было въ нашемъ курсѣ даже умершихъ. При переходѣ въ высшій курсъ меня не назначили старшимъ только по причинѣ моего посѣщенія больницы.

Въ августѣ 1821 года, у меня открылось чрезмѣрное кровотеченіе изъ носа: кровь каждый день лилась ручьями; я пришелъ въ совершенное истощеніе, и сдѣлался просто скелетомъ. Кровь лилась около 2-хъ мѣсяцевъ; но докторъ не рѣшался остановить ее. Кажется это спасло меня отъ чахотки, и скоро здоровье мое, хотя и медленно, стало поправляться.

Въ январѣ 1822 года, одинъ изъ товарищей моихъ, изъ старшихъ, заболѣлъ; я видѣлъ во снѣ стоящимъ его въ шапкѣ; затѣмъ снявши съ себя шапку, онъ подалъ ее мнѣ, и сказалъ: надѣнь ее себѣ на голову. Вскорѣ онъ умеръ, а я назначенъ былъ на его мѣсто старшимъ.

Въ 1823 году, я окончилъ курсъ со степенью магистра, и 1-го августа назначенъ былъ баккалавромъ въ академіи, и продолжалъ эту службу 6 лѣтъ. Въ это время Богъ указалъ мнѣ невѣсту миловидную и отличнаго нрава, но бѣдную сироту священника, Александру Ѳедоровну, и я 5-го іюля 1825 года вступилъ съ нею въ супружество. При ограниченности баккалаврскаго жалованья супружескую жизнь нашу мы начали очень скромно; но, привыкши къ бѣдности, мы не тяготились недостатками.

Въ январѣ 1826 года, я подалъ прошеніе преосвященному митрополиту Серафиму объ опредѣленіи меня на открывшуюся священническую вакансію при бывшемъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ. Владыко не жаловалъ академистовъ и потому на прошеніи моемъ положилъ резолюцію: предъявить діаконамъ — не пожелаетъ ли кто изъ нихъ поступить на означенное мѣсто. Такъ какъ мѣсто это по содержанію было самое бѣдное, то никто изъ діаконовъ не согласился на это предложеніе, и только тогда послѣдовала резолюція владыки: консисторіи испытать въ чтеніи и пѣніи. Сначала это изумило меня и смутило, какъ дѣло необычайное; но я тотчасъ успокоился и отправился въ консисторію, которая въ точности исполнила надо мною резолюцію, и тутъ-то я вспомнилъ и подумалъ: хорошо, что я обученъ былъ церковному пѣнію! Затѣмъ я долженъ былъ явиться къ экзаменатору для испытанія меня въ знаніи катихизиса. Экзаменаторъ — священникъ и законоучитель во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и дворянскомъ полку — точно также буквально исполнилъ резолюцію владыки, и 1-го фев-

раля я рукоположенъ былъ въ діакона, а 4-го во священника преосвященнымъ Авраамомъ.

Въ корпусѣ было три законоучителя: іеромонахъ, онъ же и настоятель церкви, священникъ и діаконъ. Предмѣстникъ мой былъ очень недоволенъ тѣмъ, что онъ магистръ, а іеромонахъ—изъ студентовъ семинаріи и первенствующій передъ нимъ; вслѣдствіе чего между ними постоянно были большія непріятности, такъ что директоръ корпуса, генералъ Маркевичъ, просилъ митрополита обратить на это вниманіе при назначеніи въ корпусъ новаго священника. Между тѣмъ, я нашелъ въ этомъ іеромонахѣ добраго пріятеля и усерднаго помощника, который при каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживалъ ко мнѣ искреннее расположеніе. Скудно было получаемое мною содержаніе; но при казенной квартирѣ и при баккалаврскомъ жалованьѣ, мы жили безбѣдно, были довольны своимъ состояніемъ, и благодарили Бога.

Въ 1827 году, я перемѣщенъ былъ въ университетъ священникомъ и законоучителемъ на мѣсто протоіерея Павскаго, и въ университетскій пансіонъ на мѣсто протоіерея Малова. Въ этомъ же году я назначенъ былъ законоучителемъ и въ высшемъ училищѣ, и продолжалъ эту должность до переименованія этого училища въ первую гимназію.

Въ 1829 году, бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія, князь Ливенъ, назначилъ меня преподавателемъ богословія въ главный педагогическій институтъ. Такъ какъ я обремененъ былъ занятіями въ трехъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, то я рѣшительно отказался отъ этого новаго назначенія; но почтенный, религіозный старецъ, князь Ливенъ, который чрезвычайно заботился о педагогическомъ институтѣ, трогательными убѣжденіями побѣдилъ меня. Тяжелы были занятія мои въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; но они облегчались усерднымъ вниманіемъ къ урокамъ моихъ слушателей и добрымъ ихъ расположеніемъ ко мнѣ.

Въ 1833 году, въ октябрѣ мѣсяцѣ, государь императоръ, Николай Павловичъ, посѣтилъ первую гимназію, переименованную изъ университетскаго пансіона. У меня былъ урокъ въ высшемъ классѣ. Я встрѣтилъ государя радостно, но его величество раньше усмотрѣвъ сквозь стеклянныя двери, что одинъ воспитанникъ у меня въ классѣ сидѣлъ облокотясь, изволилъ гнѣвно сказать мнѣ:

— Какъ вы, батюшка, позволяете воспитанникамъ лежать у васъ въ классѣ?

Не смутившись нисколько такимъ замѣчаніемъ, я съ достоинствомъ и твердостью отвѣчалъ:

— «Ваше величество! Я требую отъ нихъ, чтобъ они внимательно слушали уроки, и я очень доволенъ ими».

Государь обратившись къ директору гимназіи сказалъ:

— Если у васъ и въ этомъ классѣ нѣтъ порядка, то о другихъ и говорить нечего!

Послѣ оказалось, что государь былъ очень раздраженъ чѣмъ-то въ л.-гв. Семеновскомъ полку, и въ этомъ раздраженіи заѣхалъ въ гимназію, находящуюся вблизи полка. Тогда же при входѣ въ 5-й классъ гимназіи, во время преподаванія исторіи, государь изволилъ замѣтить сквозь стеклянныя двери, что одинъ воспитанникъ сидитъ съ зажмуренными глазами, и его величество полагая, что онъ спитъ, сдѣлалъ строжайшій выговоръ учителю и приказалъ уволить его. Изъ этого-то класса, въ сильномъ раздраженіи, государь изволилъ войти въ классъ ко мнѣ, во время преподаванія мною Закона Божія.

На другой день министръ народнаго просвѣщенія доложилъ государю, что воспитанникъ въ классѣ исторіи не спалъ, а привыкъ, для внимательнаго слушанія урока, закрывать глаза, и считается лучшимъ изъ 60 учениковъ, и что учитель исторіи Турчаниновъ, также одинъ изъ лучшихъ учителей; но дѣло кончилось все-таки тѣмъ, что Турчанинова перевели въ другую гимназію.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ слѣдующаго 1834 года, государь изволилъ посѣтить первую гимназію. Я имѣлъ счастіе встрѣтить его величество въ томъ же высшемъ классѣ, и государь изволилъ приказать мнѣ продолжать преподаваніе, чего никто изъ законоучителей ни въ одномъ учебномъ заведеніи не удостоивался ни прежде, ни послѣ сего. Не смотря на неоднократныя приказашія государя садиться, я стоя преподавалъ урокъ безъ всякаго смущенія, совершенно спокойно и свободно. Въ этомъ случаѣ, между прочимъ, помогло мнѣ сновидѣніе при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ этотъ самый день я пряглашенъ былъ къ одному изъ профессоровъ университета для совершенія крещенія надъ сыномъ его. Возвращаясь отъ него домой и проѣзжая мимо гимназіи, я хотѣлъ заѣхать къ себѣ на квартиру, такъ какъ до урока оставалось еще четверть часа; но вспомнивъ, что во снѣ я видѣлъ государя, домой уже не поѣхалъ, а остановился у гимназіи. Въ гимназіи, въ пріемной комнатѣ, ожидая урока, что было въ 2 часа, увидѣлъ я изъ окна отличнаго коня въ дрожкахъ; а вслѣдъ за тѣмъ звонокъ возвѣстилъ о прибытіи государя. Я тотчасъ отправился въ свой классъ, который помѣщался въ верхнемъ этажѣ гимназіи, и пока государь обошелъ нижній этажъ, я успѣлъ приготовиться къ преподаванію урока. Государь четверть часа слушалъ преподаваніе мое.

Возвратившись во дворецъ, государь изволилъ объявить своему семейству, что онъ нашелъ законоучителя, и 2-го февраля, 1835 года, я имѣлъ счастіе представляться ихъ величествамъ, государю цесаревичу и великимъ княжнамъ, какъ законоучитель и духовникъ ихъ высочествъ, и былъ принятъ необыкновенно милостиво. Государь необыкновенно какъ полюбилъ меня, и все царское семейство,

и я входилъ во дворецъ, какъ въ свое семейство; но съ половины 1842 года, послѣ кончины великой княгини Александры Николаевны, государь становился ко мнѣ холоднѣе и холоднѣе, такъ что я наконецъ счелъ за лучшее избѣгать встрѣчи съ нимъ. Главною причиною этого былъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, графъ Протасовъ. Зная благорасположеніе ко мнѣ всей императорской фамиліи, онъ опасался того, что въ случаѣ смерти духовника государя, протопросвитора Музовскаго, мѣсто его будетъ предоставлено мнѣ, а слѣдовательно я буду членомъ Синода; вотъ этого-то ему никакъ и не хотѣлось. По неограниченному властолюбію, графъ Протасовъ желалъ безпрекословно управлять Синодомъ и сдѣлать его безгласнымъ, и, пользуясь болѣзнію и преклонными лѣтами первенствующаго члена, митрополита Серафима, онъ достигъ этой цѣли, выживъ изъ Синода происками митрополитовъ: кіевскаго Филарета и московскаго—Филарета. Со мною графъ Протасовъ имѣлъ также нѣсколько столкновеній, изъ которыхъ онъ увидѣлъ, что я безгласнымъ членомъ Синода не могу быть, и вотъ онъ, пользуясь связями съ высокопоставленными и близкими къ государю лицами, старался при удобномъ случаѣ распространять между ними понятіе обо мнѣ, какъ о человѣкѣ неуживчивомъ и самоуправномъ.

Еще года за два до кончины протопросвитера Музовскаго искали по Россіи духовника государю, и было уже въ виду нѣсколько кандидатовъ. Въ 1848 году, Музовской скончался, и мнѣ высочайше повелѣно было временно управлять придворнымъ духовенствомъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года былъ я у великой княгини Маріи Николаевны. Прощаясь со мной, она сказала мнѣ, что хотѣла бы сообщить мнѣ кое-что, но боится огорчить меня. «Впрочемъ зная васъ, прибавила она, я не думаю, что это много огорчить васъ, вотъ что: вамъ только временно поручено управлять придворнымъ духовенствомъ; но духовникомъ государя вы не будете».

Услышавъ это, я, отъ полноты души моей, перекрестившись, воскликнулъ: Слава Тебѣ Господи! Смотря на радостное лицо мое, великая княгиня обласкала меня, и при этомъ я достаточно объяснилъ ей, почему именно я не желалъ быть духовникомъ государя.

Наканунѣ тезоименитства государя императора, 5-го декабря, 1848 года, въ 11 часовъ вечера, когда я молился Богу, приготовляясь ко сну, получилъ я высочайшее повелѣніе, которымъ я назначенъ былъ духовникомъ его величества, и мнѣ пожалована была митра.

Какъ это произошло, до сихъ поръ не могу объяснить себѣ. Такъ Богу угодно было—вотъ одно, что могу сказать на это. Такая перемѣна въ государѣ, въ отношеніи ко мнѣ, непользовавшемся въ продолженіи 6-ти лѣтъ благоволеніемъ его, была неожиданна для всѣхъ членовъ императорской фамиліи, и даже для самой императрицы. Съ этого времени государь попрежнему сталъ ко мнѣ бла-

госклоненъ, и послѣ первой исповѣди, сказалъ семейству своему, что онъ въ первый разъ въ жизни исповѣдался.

Не знаю, что эти слова означаютъ. Не то ли, какъ нѣкоторые увѣряли, что государь не исповѣдывалъ своихъ грѣховъ передъ духовниками, и духовники не предлагали ему вопросовъ, а прочитывали только молитвы предъ исповѣдью и послѣ исповѣди?

1881 года іюля 15 дня.